

АСПИДЫ ДОБРА

Мария Цура

Мария Цура
Аспиды добра

«Автор»

2023

Цура М. В.

Аспиды добра / М. В. Цура — «Автор», 2023

Египет, 53 год до нашей эры. В крупном провинциальном городе сталкиваются судьбы двух совершенно разных девушек. Глафира – сирота, чудом спасшаяся из горящей деревни. Она мечтает о настоящей дружбе и приключениях. Ксантия – опытный воин, обвиняемый в подстрекательстве мятежа против царя. Она не помнит ничего о своем прошлом. Кто подарил им шанс на новую жизнь? Прежде, чем узнать это, подругам предстоит разоблачить заговор, найти убийцу женщины из дома на окраине и раскрыть таинственные смерти актеров гермопольского театра.

© Цура М. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пропавшая жена	7
Злобный призрак	11
Девушка из озера	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Цура Аспиды добра

Моей сестре Рите с любовью

*«Произнеси мое имя, и я буду жить»
(Папирус Ани, «Книга мертвых»)*

Всадник в черном плаще остановил коня у высокого холма со зловещими деревянными фигурами на вершине. Он спешил и провалился в снег почти по колени, однако не выразил ни удивления, ни недовольства и решительно зашагал вверх по склону, к ветхой маленькой хижине без окон. Дверь отворилась со скрипом, у очага грелся старик – седой, как сама зима, закутанный в медвежью шкуру.

– Зачем ты здесь? – спросил он, не поворачивая головы к гостю.

Незнакомец уселся напротив, достал из складок плаща красный шелковый сверток, благоговейно развернул его и показал золотую коробочку.

– Я хочу вернуть эту женщину в мир живых.

– Почему? Она предала тебя, вы воевали друг против друга. Или ты придумал план какой-нибудь гнусной мести? Увы, ничего нельзя поделать, ее земной путь окончен.

– Я... – на красивом и бездушном лице молодого мужчины появилось выражение легкого смятения. – Я люблю ее.

– Ты? – старик расхохотался громко и заливисто. – Влюбился? Расскажи сказку кому-нибудь другому, а мой рассудок пока слишком здравый для таких историй.

– Я долго искал способ оживить ее и нашел в египетских книгах.

– И зачем, в таком случае, ты приехал ко мне?

– Она была из твоего народа, – ответил гость. – Вы сжигаете мертвецов, а египтяне сохраняют тела – я подумал, что твой совет окажется полезным.

Старик повнимательнее взглянул на собеседника и даже слегка привстал.

– Да, – наконец вынес он вердикт. – Что-то в тебе изменилось. Ты отдал свое имя?

– Имя – это память. Так написано в «Книге мертвых». Пришлось от него избавиться.

– Вижу. Тогда слушай: прах обратится в плоть, но нужно принести жертву.

– Я знаю! – рявкнул в нетерпении незнакомец и ударил кулаком по столу. – Но это не работает!

– Тогда почему ты решил, что я могу помочь, если сам такой умный?

– Потому что не я, а ты называешь себя «разумом Запада и душой Востока», – издевательски заметил гость.

– Ладно. Поезжай обратно до Бессапары, найди местечко под названием Ладоль – там и совершишь жертвоприношение.

– И что дальше?

– Увидишь, – старик махнул рукой и уставился на огонь, потеряв к гостю всяческий интерес.

Черный, как смоль, конь остановился у пожарища и тревожно всхрапнул. Огонь почти погас, но от сгоревших домов валил густой сизый дым.

– Тише, Демолитор, – успокоил его всадник. – Кажется, мы опоздали – кто-то побывал здесь до нас и всех убил.

Мужчина спешился и неторопливо прошелся по улице, равнодушно отпихивая ногами человеческие останки. Он не нашел ни одной живой души и с досады швырнул камень в перевернутую телегу. Внезапно из-под нее раздался детский крик. Мужчина поднял деревянный каркас и обнаружил под ним младенца, завернутого в ободранное шерстяное одеяло. Ребенок, почувствовав присутствие другого человека, перестал вопить и уставился в лицо незнакомца большими голубыми глазами.

– Так это тебя я должен принести в жертву? Чертов старик – никогда не выражается ясно. Обещаю, больно не будет.

Он выхватил из ножен меч и замахнулся. Младенец улыбнулся и приветливо агукнул.

Пропавшая жена

*«Делись с женой тем, что выпадает на твою долю –
это надолго сохранит ее в твоём доме».*

(Поучения Птахотепа)

Солнце почти село, и с юго-запада потянуло прохладой. Заметив, что гости плотнее кутаются в плащи и вид сада уже не доставляет им прежнего удовольствия, пожилая хозяйка позвала всех в дом. Помимо изысканных блюд у нее припасен поистине невероятный сюрприз – путешественники, только что вернувшиеся из таинственной Индии. Какая удача, что она, Лидия, успела заполучить их раньше, чем стратег Диофан. Уж ему-то теперь ни за что не перешеголять ее обед!

Лидия едва заметно улыбнулась. Это была невысокая женщина шестидесяти лет с благородными чертами лица, каштановыми, с проседью, волосами и мягкими карими глазами. Покойный муж оставил ей целое состояние, виноградники и мануфактуру по производству тканей. Даже после уплаты непомерного налога в казну оставалось достаточно денег, чтобы считать себя богатой и счастливой.

– Бабушка, твоя накидка, – довольно сухо обратилась к Лидии девушка лет шестнадцати, почтительно протягивая кусок синего полотна, расшитого бисером.

– Почему так долго, Глафира? – нахмурилась женщина, но тут же с нежностью погладила ее по голове. – Знаю, ты предпочла бы удрать к Никандру и рассматривать мерзкие трупы.

Лидия испытывала к внучке двойные чувства: с одной стороны любовь, а с другой – страх и неловкость. Глафира была единственным ребенком ее старшего сына Лисимаха. Он выполнял какие-то тайные поручения для Птолемея XII и постоянно находился в разъездах, пока не исчез навсегда. Один из городских стражников отдал Лидии пищащий сверток с младенцем, объяснив, что Лисимах погиб, а малышка – его дочь от неизвестной женщины. Девочка явно походила на мать, потому что резко отличалась от всех членов семьи: рыжая, голубоглазая, со светлой кожей. Зато характер она унаследовала отцовский: жажду приключений, любопытство и тягу к знаниям.

Лидия полагала, что женщине все это ни к чему, но препятствовать внучке не могла. Та умела писать и читать, разбиралась в философии и астрономии, а два года назад и вовсе напросилась в ученицы к врачу, да не к какому-нибудь благородному жрецу, а к чиновнику, который описывает трупы при полиции нома¹.

Пока хозяйка предавалась воспоминаниям, гости сгрудились вокруг стола и застыли в нерешительности, не зная, кому какое место предназначено. Младший сын Лидии Соген бестолково метался от одного к другому, приговаривая:

– Вот сюда, справа от меня... Или нет, лучше слева... Ах, уважаемый Диофан, какой же я рассеянный, ведь справа сидишь ты.

Кончилось тем, что стратег столкнулся лбом с почтенным математиком, и они оба свалились на пол, опрокинув длинную скамью. Лидия поморщилась от досады и поспешила навести порядок, мимоходом поймав за руку сына и недовольно пробурчав:

– Пойди и переоденься. Сколько раз я говорила: на обеде доспехи неуместны, ты не на службе.

Соген вспыхнул и сощурил маленькие злые глаза, но подчинился. Его всю жизнь сопровождали неудачи и нелепые происшествия. Отец, смирившись с выбором Лисимаха, попытался приспособить к семейному делу второго наследника, но вскоре понял, что ничего не выйдет. Соген, которому поручили всего лишь доставить ткани на корабль, перепутал суда, и бесцен-

¹ административная единица в Древнем Египте

ные полотна уплыли в неизвестном направлении. Потом он нанял совершенно не подходящего человека для присмотра за виноградниками и потерял урожай. В итоге после смерти отца имущество и деньги достались матери, а Согену купили должность начальника полиции Арсиноитского нома. На службе он слыл подхалимом и особенными талантами не отличался, но стратег Диофан ценил его, как исполнительного сотрудника.

Следующие два часа Лидия с наслаждением наблюдала, как ее гости постепенно расслабляются от вина и приобретают благодушное настроение от великолепных блюд. Ей нравилось быть хозяйкой большого дома и собирать раз в месяц компании интересных и влиятельных людей. Вся Арсиноя² знала, что у нее можно завязать полезные знакомства, найти богатого жениха для дочери или продемонстрировать навыки рассказчика. Вечной соперницей Лидии слыла жена стратега – юная Тетос. Она тоже знала толк и в приготовлении кушаний, и в подборе собеседников, но к ней не очень охотно шли знатные греки, считавшие себя выше «какой-то египтянки-полукровки».

Рабы в последний раз обошли стол с тазами для омовения рук, и Лидия уже собралась предоставить слово путешественникам, как вдруг в зал вошел Соген, переодетый в хитон³ и гиматий⁴. С абсолютно счастливым видом он продемонстрировал всем маленькую мумию и сказал:

– Пейте и веселитесь, ведь однажды вы станете такими же, как она.

С лиц гостей стали медленно сползать улыбки. Меньше всего на свете им хотелось думать о смерти после сытной трапезы. Лидия с беспокойством смотрела по сторонам, соображая, как выйти из неловкой ситуации. Ей на помощь пришел один из путешественников по имени Агаклей. Он пригладил свою седую бороду и произнес:

– Осмелюсь предложить вам, почтенные, небольшую загадку. История произошла в действительности, причем, здесь, в Египте, но продолжение мы случайно узнали уже на пути в Индию. Итак, от некоего Серена ушла жена – просто вышла из дома и не вернулась. Сначала он ее искал, а потом получил письмо, в котором сообщалось о наличии другого мужчины. Вот, прошу, прочтите сами.

Агаклей вытащил из складок пояса потрепанные папирусные свитки. Лидия нерешительно коснулась одного из них. Поняв мысли хозяйки, путешественник поспешил объяснить:

– О, поверьте, я получил их из рук самого Серена и не совершаю ничего плохого, придавая этот случай огласке.

Ободренные последним замечанием присутствующие сгрудились вокруг свитков и принялись вразной декламировать: «Я встретила хорошего человека и бросаю тебя. Хотела сказать прямо, но не хватило решимости. Ты бы меня отговорил, я знаю, как сильно ты влюблен. Прости. Исидора».

– Хладнокровно и непорядочно, – покачал головой старый математик.

– Дальше еще хуже, – отметил стратег и разгладил второй свиток. – «К сожалению, я не взяла с собой ни денег, ни украшений. Буду благодарна, если ты передашь все, что принадлежит мне, посылному, принесшему письмо. Я ему полностью доверяю, а встречаться нам незачем. Исидора».

– А что за приписки коричневыми чернилами? – прищурился близорукий философ. – Черные буквы я разобрал, а эти не вижу.

– Всего лишь даты, – отмахнулся Соген. – 12 число месяца панемос⁵.

² имеется в виду город Арсиноя, который до переименования Птолемеем II назывался Крокодилополем

³ нижняя рубашка

⁴ плащ, верхняя накидка на плечи и голову

⁵ июнь по македонскому календарю, которым пользовались в Древнем Египте после завоевания Александром Великим

– А расплывчатые пятна? – не успокаивался старик.

– Следы слез, наверное, – пожал плечами сын Лидии. – Вот лучше послушайте, какова наглость! «Исидора шлет любимому мужу привет и пожелания здоровья. О, как я была глупа! Колоб оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал. Он собирается продать меня в рабство и не позволяет вернуться к тебе. Он требует 1000 драхм! Если ты все еще любишь меня, передай деньги с посылным».

– И он передал? – с сомнением спросил стратег.

– Да, – просто ответил Агаклей. – Но жена так и не вернулась. Что вы обо всем этом думаете?

– Она его обманула! – вскинул голову Соген. – Уж я навидался подобных дел. Выманила деньги и отбыла с любовником в Грецию или в Рим, а то и в Каппадокию.

– Или письма писала не она, – неуверенно предположил Диофан, слегка досадуя, что самое правдоподобное объяснение озвучил его подчиненный.

– Она, – влез в разговор второй путешественник, которого так и распирало поскорее выдать финал. – Серен узнал ее руку.

– Хм... – нахмурилась Лидия. – А что, если Исидора действительно не лгала, просто брошенный любовник отказался с ней расставаться и удерживает ее помимо воли? Она ведь могла вернуться домой, описать его внешность и обратиться с жалобой к стратегу.

– Но этот самый Колоб не так уж рискнул бы, отпуская ее, – влез пожилой математик. – Кто мешал ему сесть на любой корабль и уплыть с купцами? Или, например, покинуть пределы нома? Убежать в Александрию? В пустыню?

– В Египте мы бы его нашли, не сомневайся! – с жаром заявил Соген.

– Лично меня больше всего возмущает падение общественных нравов, – оживился философ. – И вслед за Катонем Старшим и Цицероном я вопрошаю: «O tempora, o mores⁶!»! Что будет с нашими внуками, если сейчас они наблюдают, как жены бросают мужей, а потом возвращаются? Как мужчины напиваются в капелеях⁷ и проигрывают последние деньги в мехен⁸!

Гости дружно вздохнули, а Лидия пожалела, что пригласила ученого зануду, которого хлебом не корми – дай только изложить какую-нибудь скучную теорию об улучшении и исправлении человечества.

– Исидору убили, – внезапно сказала Глафира, вставая со своей скамеечки.

Все уставились на нее, словно впервые увидели. Соген насмешливо фыркнул, математик горько покачал головой, философ незаметно оттянул уголок века, чтобы сфокусировать зрение, Лидия укоризненно приподняла бровь, а Диофан презрительно наморщил нос. Только путешественники переглянулись и хором спросили:

– Как ты узнала?

Девушка, ничуть не смутившись, принялась загибать пальцы:

– Во-первых, она, покидая мужа, почему-то не берет с собой никаких вещей. Разве не странно? Во-вторых, два первых письма составлены с редкостным хладнокровием и деловитостью, с какой же стати на папирусе остались следы слез? В-третьих, основной текст написан черными чернилами, а даты – коричневыми.

– И что все это значит? – не поняла Лидия.

– Исидора вышла из дома по каким-то делам, – пояснила Глафира. – Некий человек (будем называть его Колоб, хотя имя наверняка вымышленное) похитил ее и потребовал у несчастного супруга сначала украшения, потом деньги. Женщину он заставил написать все письма сразу, а потом убил. Но у него кончились чернила из сажи, и потому даты проставлены

⁶ «О времена, о нравы!» (лат.)

⁷ питейные заведения, что-то вроде современных баров

⁸ настольная игра

охрой. Однако взволнованный Серен ничего не заметил и продолжал ждать жену, подарив преступнику уйму времени для побега.

– Абсолютная правда! – выдохнул Агаклей. – Мы с другом сели на корабль до арабских земель, чтобы затем отправиться в Индию. С нами плыл толстый пройдоха со злыми глазками. Вначале он представился торговцем медом, но быстро выдал себя, так как понятия не имел об отличии финикийского стандарта драхмы от аттического. Ночью он напился, как свинья, и выболтал историю с убийством Исидоры. Ну, мы и выбросили его за борт.

– А потом пришлось рассказать все Серену, – печально добавил второй путешественник. – Как он плакал! Как бил себя в грудь! А затем отдал нам письма и попросил предупредить всех, кого мы встретим, о похищениях такого рода. Колоб мертв, но его поделщик на свободе, и только боги знают, где в следующий раз произойдет что-то подобное.

– А ты молодец, Глафира, – признал стратег. – Будь ты мужчиной, я бы пристроил тебя на службу вместо дядюшки.

И он противно захихикал, заставив Согена покраснеть от злости.

– Будь я мужчиной, моя голова была бы забита всякой чепухой, – высокомерно заявила девушка, и Лидия незаметно ущипнула ее за локоть.

– Ты вела себя невежливо, – выговаривала бабушка, расчесывая волосы внучки перед сном. – Тебе не хватает мягкости и мудрости, которая так ценится в женщинах. Ты слишком похожа на своего отца!

– Расскажи, как я оказалась здесь, – попросила Глафира, игнорируя замечания.

– Ты слышала это тысячу раз, – вздохнула Лидия. – Я сидела в саду у бассейна, когда кто-то постучал в ворота. Раб доложил, что со мной желает говорить стражник и называет имя Лисимаха. Я не видела сына уже давно, и поспешила навстречу посланнику.

– Как он выглядел? – внезапно спросила девушка.

Лидия задумалась:

– Высокий (насколько я могу судить, ведь он был верхом на лошади), в плаще, закрывающем доспехи, с мечом на боку... Красивый... Да, очень красивый, с черными волосами и аккуратной бородой.

– Как его звали?

– Не знаю, – развела руками Лидия. – Когда он сообщил, что Лисимах погиб, меня словно ударили по голове чем-то тяжелым. Я перестала понимать речь и различать звуки. Удивительно, что не уронила тебя, пока несла в дом. Вот странно: немного позже я успокоилась и попросила Согена найти того всадника, чтобы поблагодарить его...

– И что? – нетерпеливо заерзала Глафира.

– Он исчез, – покачала головой бабушка. – Такого человека нет, и никто никогда о нем не слышал. Скорее всего, он тоже состоял на тайной службе у царя.

Девушка с любопытством подалась вперед:

– Нужна какая-то особая примета: татуировка, шрам, необычная форма носа – что угодно.

– У него была серьга в левом ухе, – вспомнила Лидия. – То ли анх⁹, то ли змейка. А теперь ложись спать, моя дорогая.

Лидия поцеловала внучку в макушку, потушила светильник и тихо вышла из комнаты.

⁹ древний символ жизни, его часто называют «коптский крест»

Злобный призрак

*«Пусть их ножи никогда не получают власти надо мной,
Пусть я никогда не паду под их орудиями жестокости,
Ибо я знаю их имена и знаю сущность».*

(Папирус Ани, «Книга мертвых»)

Глафира проснулась среди ночи от странного шума. Хлопали двери, топали ноги, билась посуда, откуда-то доносился истерический визг и сдавленные рыдания. Испугавшись, девушка наскоро оделась, схватила масляную лампу и поспешила на звук. Навстречу ей, почти потеряв разум, мчалась рабыня.

– Что происходит? – остановила ее девушка.

– Господин Соген расстроен, – пояснила нубийка, понизив голос. – Госпожа Лидия послала меня за лечебным бальзамом.

Глафира отпустила ее и, миновав коридор, осторожно выглянула из-за колонны в большой зал, где обычно принимали гостей. Зрелище было поистине впечатляющим: глава полиции нома валялся на лавке, стучал по ней кулаком, причитая на все лады, словно плакальщица на похоронах, и периодически дергал себя за волосы. Мать суетилась вокруг, не зная, чем помочь. Любимая кошка Согена какое-то время недоуменно таращилась на него, потом тронула лапкой за руку и прогорланила жалобно:

– Мау-у!

– Ах ты моя дорогая! – умилился мужчина, подхватывая ее и целуя в мордочку. – Все, конец пришел твоему хозяину!

Глафира испугалась не на шутку: таким она дядюшку никогда не видела. С подчиненными и людьми более низкого происхождения он вел себя властно и нагло, а к начальству умел подольститься и обратить любую неприятность в свою пользу. Бесчисленные промахи, которые он допускал в делах, закалили его и научили не отчаиваться.

– Что случилось? – тихо спросила девушка, ожидая, что Соген сейчас закричит и прогонит ее. Но он неожиданно сел и, судорожно вздохнув, вполне связно ответил:

– Меня уволят с позором.

– За что?

– В наш город неделю назад приехал богатый грек Аммоний. Он гулял по рынку, свернул на какую-то улочку, а из окна высунулась женщина-египтянка и облила его грязной водой. Потом она спустилась к нему, плюнула в лицо, оскорбила и разорвала плащ. Аммоний написал жалобу самому царю, требуя правосудия. Диофан послал меня разбираться и... и...

Соген вновь залился слезами.

– Не мучай его, – укорила Лидия внучку. – Лучше поторопи рабыню, которую я послала за бальзамом, или принеси вина из кладовой.

– Он и так напился сверх меры, – заметила Глафира и легонько толкнула дядю в бок. – Ну, и дальше что было?

– Я не нашел ту женщину, – губы начальника полиции задрожали.

– Значит, отыщешь позже, – оптимистично заявила Лидия. – Стоит ли так убиваться?

– Можно посмотреть текст жалобы? – заинтересовалась девушка.

Соген похлопал себя по бокам, вынул свиток папируса и трагическим жестом протянул племяннице:

– Писец снял копию.

Глафира прочла вслух, пропуская ничего не значащие фразы:

– Царю Птолемею желает здравствовать... Так... Вот... Меня оскорбила Псенобастис, которая живет в Арсиное, позади рынка. 21 числа месяца ксандикос¹⁰ 53 года¹¹ я проходил мимо одного дома по личному делу. Какая-то египетская женщина высунулась из окна и вылила на меня грязную воду. Я принялся бранить ее, а она выскочила из дома, разорвала на мне плащ, плюнула в лицо и скрылась из виду. Это могут подтвердить прохожие – их имена и адреса я напишу ниже... Я прошу тебя о правосудии, господин мой. Я грек, иностранец, а египтянка посмела нанести мне оскорбление. Прикажи стратегу Диофану написать главе полиции Согену, чтобы Псенобастис привели к нему и допросили по поводу моей жалобы, а потом применили наказание, какое присудит стратег. Да будь благословен... и так далее...

Соген еще раз всхлипнул и зарылся лицом в кошку, словно обвиняли его самого.

– Чепуха какая-то, – пробормотала девушка, разглядывая папирус. – Псенобастис – мужское имя, может, поэтому ты ее не нашел? Надо было спрашивать о Тсенобастис.

– Думаешь, я идиот? – взвился дядюшка. – Я сразу заметил ошибку! Приехал к дому, поговорил с соседями – нет там никакой женщины. Комнаты сдаются торговцам, прибывающим из других городов, 21 числа ее занимал Калепус из Гераклеополя.

– А что же свидетели?

– Все, как один, твердят, что Тсенобастис существует и действительно оскорбила Аммония прямо на их глазах! Как теперь я оправдаюсь перед Диофаном? Ему ведь придется объясняться с царем!

– Ну-ну, – Лидия нежно похлопала сына по плечу. – Флейтист¹² не станет сам разбирать жалобы каких-то иностранцев.

– О, ты не понимаешь! – горячо возразил Соген. – Это не просто богатый путешественник, у него связи в Риме. Ходят слухи, что он оказывал какие-то услуги Марку Крассу¹³. Как ты думаешь, какая участь меня ждет, если я стану причиной ссоры с республикой, меч которой постоянно болтается над нашим царством?

– Позволь мне все разузнать, – предложила Глафира. – Вдруг я сумею тебе помочь?

Вопреки обыкновению дядюшка не заявил с презрительной усмешкой, что она «лишь глупая девчонка, возомнившая о себе невесть что», а сказал устало:

– Да, попробуй. Ты ловко разобралась в этой истории с неверной женой, может, тебе снова повезет. Возьми мой кошелек с монетами, здесь около ста тетрадрахм на расходы, завтра заberi у Никандра документ, подтверждающий, что ты действуешь в интересах полиции нома.

– Спасибо! – Глафира впервые в жизни бросилась ему на шею и расцеловала в обе щеки.

– Но прилично ли для девушки... – начала Лидия и осеклась под тяжелыми взглядами сына и внучки. – Поступайте, как знаете.

Соген слегка успокоился, поднялся на ноги и нетвердой походкой отправился в свою комнату, прихватив кошку. Глафира тоже ушла досыпать, но так и не сомкнула глаз до самого рассвета. Ее ждет настоящее приключение!

С утра она критическим взглядом окинула свой гардероб: дорогие ткани, бросающиеся в глаза фибулы¹⁴, мягкие кожаные сандалии – ничего подходящего. Девушка планировала заглянуть в бедный квартал под безобидным предлогом, не вызывая подозрений. Придется найти что-то у Никандра, а к нему предстоит добираться пешком. Лидия обычно пользовалась носилками, Соген разъезжал на своем рыжем сирийском скакуне, Глафира же пока только мечтала о лошади. Однажды она видела на площади представление по пьесе нового автора: о муж-

¹⁰ март по Македонскому календарю

¹¹ для удобства читателей автор указывает годы так, как их принято считать в современном мире, в данном случае имеется в виду 53 год до н. э.

¹² прозвище Птолемея XII – царя Египта (80-51 г.г до н.э.)

¹³ один из богатейших людей Рима, участник первого триумvirата – политического союза между ним, Цезарем и Помпеем

¹⁴ застёжки-броши для одежды

чине, которого возлюбленная заставила перепрыгнуть пропасть, чтобы проверить искренность его чувств. Он выжил, а прекрасный белый конь погиб. Публике трагедия очень понравилась, потом ее давали в городском театре, а после даже в Риме. Девушка решила накопить денег и купить себе точно такую же лошадь. Она станет ее лучшим другом, и уж конечно, Глафира не будет совершать безумные поступки ради какой-то там любви.

– Уже уходишь? В такую рань? – спросила Лидия, раздавая приказания рабам. – Съешь что-нибудь.

– Потом, – нетерпеливо отмахнулась внучка. – Ты не против, я возьму маленький кувшинчик оливкового масла?

– Зачем?

– Очень нужно.

– Бери, – вздохнула бабушка. – Соген не в своем уме, если думает, что ты поможешь ему в таком странном деле.

– Посмотрим, – Глафира едва заметно улыбнулась, сунула за пазуху яблоко, кошелек, заглянула в кладовую и поспешила к Никандру.

Это был чудной старик: суетливый, с большой блестящей лысиной и короткой седой бородой. Он постоянно чему-то радовался и проявлял безграничное жизнелюбие, хотя служил лекарем при полиции и разглядывал трупы, чтобы описать повреждения и объяснить, от чего наступила смерть. Для работы ему выделили просторное помещение с полками, уставленными снадобьями, подставкой для осмотра тел и отдельной комнатой для бальзамирования. Последним обычно занимались родственники умершего, но иногда расследование гибели затягивалось, и чтобы избежать гниения, приходилось обрабатывать труп настоем кассии, а потом хранить в селитре.

Когда Глафира открыла двери в его «мастерскую» (так лекарь почему-то именовал свое рабочее место), Никандр ходил вокруг длинного каменного стола, обвязав лицо куском ткани, и рассматривал безвольно повисшие руки какого-то мужчины, напевая:

– Айхи, Мерт, Хатхор и Тот закружили хоровод¹⁵... Н-да, нелепая смерть в пьяной драке. Асоп, запиши: «на запястьях синяки – следы от пальцев».

Юноша с кислым выражением лица, сидевший в углу, важно кивнул и заскрипел каламосом¹⁶ по свитку.

– Никандр! – позвала Глафира. – Здравствуй! У меня столько новостей!

– А я уже знаю, – просиял врач. – Соген оставил для тебя папирус, сказал, ты кое-что выясняешь для него, поздравляю! Теперь ты сможешь проверить свое умение рассуждать. Но я в тебе не сомневаюсь, ты ведь моя ученица.

– Спасибо! А еще мне нужна одежда, чтобы я выглядела, как горожанка среднего достатка, даже немножко на грани бедности.

– Имеется кое-что снятое с трупов, наденешь? – подмигнул Никандр.

– А у меня есть выбор? – фыркнула Глафира.

– Шучу-шучу, – он замахал пухлыми ладошками. – Принесу что-нибудь со склада утерянных и украденных вещей, когда закончу с этим красавчиком.

Глафира снова перевела взгляд на убитого. Коренастый, широкоскулый мужчина с телом тренированного борца неподвижно застыл, раскинув руки и уставившись в потолок. Девушку пронзил острый укол боли, и она обменялась понимающим взглядом с лекарем.

– Да, – вздохнул он. – Такой здоровяк, мог бы жить и жить.

Странное чувство юмора и нарочито небрежное отношение Никандра к мертвым многих повергало в недоумение. Но Глафира знала, что больше всего на свете ее учитель мечтает побе-

¹⁵ древнеегипетские боги

¹⁶ инструмент для письма: срезанный под углом тростник, который обмакивали в чернила

дить смерть, бросить ей вызов. Когда кого-нибудь ложно обвиняли и собирались приговорить к казни, а потом, благодаря его показаниям, оправдывали – это было маленьким шагом вперед.

«Некоторым кажется, что человек, особенно бедный и обездоленный, это какая-то мелочь, недостойная внимания, – сказал однажды Никандр. – Ужасная ошибка. Каждый из нас – ниточка в полотне, вытащи ее, и образуется дыра. Возьмем, к примеру, какого-нибудь раба. У него есть родные, друзья, которых он любит, хозяева, привыкшие к его заботе. Он дарит кому-то счастье. Отними у него жизнь – и ты навредишь еще множеству людей». Глафира попыталась с ним поспорить, припомнив жутких извергов, заслуживающих наказания, но лекарь был непреклонен: «Мы просто не понимаем ни своей, ни чужой роли на земле. Если кто-то появился на свет, значит, он нужен».

– Как его звали? – спросила девушка, осматривая зияющую рану в боку убитого.

– Меон.

– Погоди-ка, не тот ли Меон, которого жалобщик Аммоний привел в качестве свидетеля?

– Да, он самый, – не стал отрицать Никандр. – Вчера сидел у Согена и рассказывал нам про сумасшедшую Тсенобастис, а сегодня его нашли мертвым у капелеи – кто-то затеял с ним драку и зарезал кинжалом.

– И еще один держал за руки, – отметила Глафира.

– Совершенно верно.

– Деньги забрали?

– Самое забавное, что нет, – Никандр почесал лысину кончиком скальпеля. – При нем остался кошелек с пятнадцатью серебряными тетрадрахмами. Вот, взгляни.

Глафира раскрыла кожаный мешочек и повертела в пальцах монету.

– Не наша, – констатировала она. – Аттический стандарт. Многовато он планировал пропить, не находишь?

– Пожалуй, – признал лекарь. – Но таковы пьяницы – жажда никогда их не покидает. Пойдем, я покажу тебе комнату, где можно переодеться.

Они вышли во двор, принадлежавший полиции нома. Каменное здание посередине занимал Соген, писцы и стражники, справа располагалась конюшня, а слева – тюрьма и склады. Один из них представлял собой бесконечные полки, заваленные украденными и потерянными предметами, так и не нашедшими хозяев. Никандр окинул взглядом таблички, прибитые к перекладинам, с названиями вещей. Он вытащил потрепанный бежевый хитон и зеленую накидку из грубой ткани, а затем – колючие соломенные сандалии.

– Вот твои обновки, примеряй, а я постою за дверью.

Глафира быстро сняла свою одежду и накинула чужой хитон, пропахший сыростью. Она поморщилась, но тут же устыдила себя за малодушие: искатели приключений не ноют по пустякам. Подумав, она решила прикрыть голову краем гиматия – не каждый день по рынку расхаживают рыжие девушки, совершенно не нужно, чтобы кто-то ее запомнил.

– Ну как, я похожа на дочь ремесленника? – спросила Глафира, сделав изящный пируэт во дворе полиции.

– Вполне, – одобрил лекарь. – Вот твой папирус с полномочиями, если что, зови на помощь стражников.

– Хорошо.

– И будь осторожна! И когда вернешься, зайди ко мне!

Глафира весело помахала ему рукой и направилась в сторону рынка, прихватив кувшинчик с маслом. Далеко идти не пришлось, и это ее обрадовало – от дешевых сандалий ступни сразу же разболелись. Под торговые ряды была отведена огромная площадь, но люди все равно толпились, толкались, бранились и напоминали жужжащих пчел у улья. Рабы таскали огромные корзины с фруктами и рыбой, богатые женщины, обмахиваясь веерами, лениво спорили с торговцами, мужчины громко выбирали сбрую для лошадей.

Глафира, получив несколько тычков, пристроилась за гигантом-нубийцем, сопровождавшим старушку. Он, словно нильский крокодил, вспарывал волны человеческого моря, и, укрывшись за его спиной, можно было не опасаться случайного столкновения. Девушка уже почти пересекла площадь, когда на дорогу вылетела колесница, запряженная двумя вороными конями. Под их копыта попало три человека, остальные бросились врассыпную, началась давка. Глафира взвизгнула и спряталась за пифосами¹⁷ с зерном.

Стражники кинулись к поводьям и попытались успокоить лошадей. Возница – тщедушный молодой человек с рано поредевшими волосами, длинным носом и неестественно пухлыми губами – довольно наблюдал за переполохом. Старый раб что-то испуганно прошептал ему на ухо и побежал к выходу.

– Здесь не место колесницам и повозкам! – рявкнул начальник стражи. – Их оставляют за воротами рынка.

– Да ты знаешь, кто я? – лысеющий любитель гонок выпятил тощую грудь и взмахнул белым плащом с пурпурной каймой. – Лагул, брат Аммония, друг самого Гнея Помпея!

– Мне наплевать, заплати штраф и убирайся отсюда или отправишься в тюрьму.

– Я напишу вашему царю о том, как меня здесь приняли. Где это видано, чтобы человек высокого рода не мог прокатиться по улицам и испытать крепость новой колесницы?

– Жалуйся хоть самому Серапису¹⁸, но ты в моем городе и обязан соблюдать мои правила!

Губы Лагула дрогнули, глаза сощурились, он взмахнул хлыстом, угрожая главному стражнику. Тот, несколько не испугавшись, выхватил из ножен меч. Глафира, затаив дыхание, смотрела на них, не без злорадства ожидая, когда заезжому наглецу преподадут урок вежливости. В Арсиное давно принят закон об ограничении движения в людных местах, по рынку можно передвигаться либо пешком, либо в носилках, а лошадей, мулов и ослов ведут под уздцы.

– Остановитесь! – крикнул кто-то.

Девушка обернулась и увидела, как к центру нарастающего конфликта спешит старый раб Лагула. Он бросился на колени перед начальником стражи и, тяжело дыша, произнес:

– Прошу тебя, подожди. Сюда уже едет брат моего господина.

Послышался стук копыт, и в облаке пыли показалась фигура сидящего мужчины, восседавшего на гнедой кобыле. Он был одет в желтый хитон и дорогой красный плащ, его сопровождала охрана, вооруженная копьями. Дозорные переглянулись и, как по команде, положили руки на эфесы мечей.

– Я Аммоний, – провозгласил всадник. – Мы с братом иностранцы и не знаем ваших законов. Сколько уплатить в казну, чтобы вы отпустили его?

– Сто пятьдесят драхм, – спокойно ответил начальник стражи, убирая оружие в ножны. – Пусть он спешится и уведет лошадей.

Аммоний подозвал раба и вручил ему кошелек. Тот с поклоном протянул монеты стражнику, потом помог Лагулу спрыгнуть с колесницы и погладил коней, чтобы успокоить их. Потасовка разрешилась миром.

Глафира, пятась, выбиралась из своего укрытия между двумя огромными пифосами, когда почувствовала, что ее нога задела что-то мягкое.

– Ай! – вскрикнул высокий голос. – Что ты делаешь?

Послышался звон глиняных черепков. «Ну вот, – с ужасом подумала девушка. – Если я толкнула какого-то богатея, он поднимет крик, меня арестуют, придется показать им бумагу с подписью Согена, и план полетит в Тартар¹⁹».

¹⁷ большой глиняный сосуд со множеством ручек

¹⁸ Верховный бог эллинистического Египта, некое общее воплощение Зевса и Осириса

¹⁹ бездна, куда Зевс отправил титанов, находится под царством Аида – бога подземного мира

Она обернулась и увидела коротышку со вздыбленными волосами, укутанного в длинный полосатый талит²⁰. Он опустился на колени, стукнул себя в грудь и запричитал:

– Моя великолепная посуда превратилась в мусор! – он поднял осколок сосуда, изображавшего человеческое лицо. Уцелевший глаз уставился нарисованным зрачком прямо на Глафиру, будто спрашивая: «Ну и как ты теперь выкрутишься?».

– Это же канфар, – девушка попыталась улыбнуться.

– Без тебя знаю, – огрызнулся пострадавший. – Моя жена мечтала о таком, я обещал ей привезти.

– Зачем еврею канфар? Он используется в ритуальных целях для жертвоприношений Дионису – богу виноделия.

– Не умничай, – фыркнул человек. – Из него удобно пить. С чем теперь я вернусь? У меня больше нет денег на покупки, а я еще потратился на упрямого осла, который не желал тащить поклажу, и мне пришлось погрузить все себе на спину! Точно! Продам мерзкую скотину!

Только сейчас Глафира заметила очаровательного ослика с темной шерсткой и умной мордочкой. Он печально вздохнул, словно понимал, что от него хотят избавиться. Сердце ее дрогнуло, а рука потянулась к кошельку, завернутому в пояс. Конечно, она мечтала о белой арабской лошадке, но...

– Я куплю ослика! – выпалила она.

– Триста драхм! – потребовал коротышка.

– Да за такую цену можно получить взрослого раба!

– Тогда глупая скотина отправится на живодерню.

– Ладно! – Глафира отсчитала семьдесят пять²¹ серебряных монет – почти все, что дал ей на расходы дядюшка – и протянула противному человеку.

– Вот, это другое дело, – обрадовался он. – Только не передумай, назад я его не приму! И ты забыла кувшинчик с маслом.

Девушка холодно кивнула и погладила животное.

– Не слушай его, ты замечательный. Я назову тебя Аристофаном, не возражаешь? В честь моего любимого писателя комических пьес.

Ослик возвел глаза к небу, как человек, которого страшно раздражает скудоумие окружающих, но покорно побрел следом за новой хозяйкой. Они миновали ряды с украшениями, тканями, дорогими винами, экзотическими продуктами и оружием. Из толпы постепенно исчезли богатые купцы, женщины в шелковых одеждах и щеголеватые владельцы больших усадеб. У прилавков с зеленью, луком, семенами лотоса, дешевыми духами и бусами из ягод кружил бедный люд.

– Пиво! Холодное пиво!

– Медовые лепешки!

– Приворотное зелье!

– Мыло! Прекрасное и дешевое мыло!

Глафира едва успевала отрицательно мотать головой на многочисленные предложения. Они с Аристофаном остановились у капелеи, откуда то и дело выпадали нетрезвые ремесленники, их подмастерья, профессиональные мошенники, скупщики краденого и обычные бездельники, убивающие время. Над входом красовалась вывеска: «Винный погребок Рино. Лучшая выпивка за умеренную плату». Стена ниже исписана рекламными объявлениями: «Толкователь снов – двадцать шагов от ворот рынка на север, дом со статуей», «Выращиваю кур, продаю яйца», «Сдаю комнаты для заезжих торговцев, спросите в капелее».

²⁰ верхняя накидка древних евреев

²¹ в каждой серебряной тетрадрахме содержится 4 драхмы

Глафира нерешительно переминалась с ноги на ногу. Идти в заведение, где поминутно раздаются звуки оплеух и отборная ругань, было страшновато, но не могла же она стоять тут часами. Наконец, из бокового входа высунулась рука и выплеснула содержимое помойного ведра прямо на улицу. Девушка ловко схватила ее за запястье и вытащила из проема паренька примерно своего возраста.

– Чего тебе? – отпрянул он. – Милостыню не подаем, бесплатно не наливаем, гадания не интересуют.

– Хочу спросить про комнаты для приезжих.

– А-а-а, – кивнул он бесстрастно и крикнул в темноту. – Папа! Иди сюда!

На пороге показался хмурый мужчина в заляпанном хитоне и кожаном переднике.

– Почтенный, скажи, пожалуйста, как найти Тсенобастис? Она снимает у тебя жилье. Я обещала принести ей немного оливкового масла, – Глафира продемонстрировала кувшинчик и слегка наклонила голову в знак уважения.

– О, боги! – хлопнул себя по лбу хозяин. – Весь город, что ли, задумал свести меня с ума с этой Тсенобастис? Сначала сюда примчался начальник стражи, потом Соген и теперь ты!

– А грек по имени Аммоний тоже приходил?

– Нет, но не удивлюсь, если и он заявится! А я не знаю той женщины, никогда ее не видел! Читать умеешь?

– Да, – подтвердила Глафира.

– Тогда вот, ознакомься, – мужчина нырнул в недра пивной, а спустя мгновение, снова высунул голову и бросил девушке плохо проклеенный папирус. – Список моих жильцов. Я веду тщательный учет.

– А не случается ли такого, что один платит, а другой заселяется? – предположила она. – Скажем, некий мужчина не хочет, чтобы кто-то знал о его тайных свиданиях...

– О-о-о, – в голосе хозяина зазвучало понимание. – Да, это вероятно. Тогда сходи сама и поищи таинственную египтянку. Сын тебя проводит, а мне некогда.

– Но папа, – возразил юноша. – Скоро придет главный стражник, чтобы расспросить об убийстве Меона, я пропущу все интересное!

– Вот еще, – владелец капелеи отвесил отпрыску подзатыльник. – Делай, что тебе говорят, нечего подслушивать чужие разговоры.

Паренек обиженно засопел и зашагал по пыльной дороге. Глафира и Аристофан догнали его у двухэтажного дома из сырцового кирпича с плоской крышей, на которой сушилось несколько полосатых циновок. От палящих лучей солнца здание заботливо прикрывали две пальмы с широкими листьями. Вместо двери висел грязный коврик, приколоченный гвоздями. Его старательно выбивала палкой старушка с неприветливым лицом.

– Здравствуй, – обратилась к ней Глафира. – Тсенобастис дома? Я принесла ей масло, как она просила.

– Она не могла ничего попросить, – хмыкнула пожилая женщина.

– Почему?

– Потому что ее не существует! Я уже объясняла Согену – начальнику полиции. Но он вбил в свою баранью голову, что она должна находиться здесь.

– Может, ты просто с ней не знакома?

– Послушай, голубушка, я живу в этом доме двадцать лет: новый хозяин выкупил только половину здания – другая принадлежит мне. Я вижу всех, кто приезжает и уезжает, не имею привычки лгать и хорошо соображаю, несмотря на возраст.

– Возможно, она приходила к кому-то ночью, – не сдавалась Глафира.

– Чепуха!

– Богатый грек Аммоний утверждает, что Тсенобастис его оскорбила, получился громкий скандал. Ты слышала перебранку?

– Нет, – старушка разочарованно покачала головой. – В тот день я работала – чистила рыбу на рынке.

– Хорошо, – задумчиво пробормотала Глафира. – Спасибо. Возьми масло себе.

Впервые за весь разговор пожилая женщина улыбнулась. Ее лицо разгладилось, она поблагодарила и приняла кувшинчик, обнимая его, как драгоценность.

– Что ж, Аристофан, – прошептала Глафира, взяв поводья. – Теперь нам нужно спешить в полицию нома.

Ослик оторвался от травы и стрельнул в нее глазами. Взгляд его ясно говорил: «Тебе надо – ты и торопись».

– Кажется, он совершенно не собирается катать тебя на собственной спине, – рассмеялся паренек-проводатый.

– Ладно, – не стала спорить девушка. – Пойдем пешком. В конце концов, друг мне важнее, чем транспорт.

Юноша презрительно фыркнул и, насвистывая, удалился.

Когда Глафира и Аристофан добрались до мастерской Никандра, клепсида²² во дворе показывала час дня. Стражники обедали, рассевшись небольшими группками прямо на земле под деревьями. Лошади, устало фыркая, лениво отгоняли мух и попивали воду. Идиллию нарушил Соген, выскочивший из своего рабочего помещения навстречу племяннице.

– Ну? – заорал он, опуская приветствие. – Есть новости?

– Будут, – пообещала девушка. – Если ты разрешишь мне поговорить со свидетелями.

– Одного зарезали в пьяной драке, но остальных сейчас соберем. Эй, вы, хватит жевать, тащите сюда вчерашних.

Несмотря на путаный приказ, стражники тут же вскочили на ноги и оседлали коней.

– А пока скажи мне, где остановился Аммоний?

– Снял дом с усадьбой, – пожал плечами Соген. – На юге города.

– Он бывал у кого-то в гостях?

– Диофан и Тетос приглашали его, но он прислал письмо с вежливым отказом. Я присутствовал при этом.

– Знаешь, как выглядит его посыльный?

– Да, – слегка растерянно ответил Соген. – Старый хромой вольноотпущенник. Свободное время проводит в капелее за кружкой вина, наверняка, и сейчас там.

– Надо перехватить какое-нибудь письмо или хотя бы выяснить, кто адресаты.

– Ни за что! Представляешь, что со мной сделают? Я и так вишу на волоске. О, боги, моя судьба зависит от глупого ребенка. На что я надеялся?

– Не волнуйся, я все устрою, – Глафира пропустила замечание мимо ушей. – Он ничего не заметит. Позволь мне взять лошадь.

– А это разве не твой осел? Я подумал, ты купила его, раз он пришел с тобой.

– Аристофан устал, – Глафира не стала вдаваться в подробности сложных отношений с длинноухим наглецом.

– Ладно, бери моего Мааха, – он коротко свистнул, и рыжий сирийский конь подошел к ним сам. – Давай, подсажу.

Глафира неловко плюхнулась в седло, подоткнув хитон. Разъезжать верхом ей доводилось нечасто, но кое-как править она умела и надеялась, что на короткой дистанции с ней ничего не случится.

– Вперед! – скомандовал Соген и легонько шлепнул скакуна по крупу. Тот резво, но без излишнего рвения потрусил в сторону «Винного погребка Рино».

²² водяные часы, изобретенные Ктесибием в I в. до н. э. Показывали точное время, а также число и месяц

У рынка девушка спешила не без помощи стражника, буквально поймавшего ее, когда она спрыгивала, и привязала коня к специальным столбикам, вкопанным в землю.

– Мыло²³! Прекрасное мыло! – выкрикнул торговец с лотком, завидев ее. – Один кувшинчик всего за 5 обол²⁴!

Глафира вынула из-за пояса кошелек и протянула ему серебряную тетрадрахму.

– Слишком много, – поцокал языком мужчина. – Не смогу поменять.

– Оставь себе все, только перелей мыло в пузырь²⁵.

– Я мигом! – торговец ненадолго скрылся в рядах, а потом вновь явился, чуть запыхавшись, и протянул покупательнице прозрачный мешочек.

На этот раз девушка собралась с духом и вошла внутрь полутемного помещения капелеи с двумя высокими окнами. Дополнительный свет тут создавали чадающие масляные лампы, подвешенные к потолку. За низкими столиками сидели на скамеечках мужчины и женщины в разной степени трезвости. Кто-то играл в кости и мехен, кто-то валялся под ногами, кто-то громко скандалил. Глафира вынула шпильку, которой приколола край гиматия к волосам, и проделала дырку в пузыре, стараясь держать его под плащом. Мыло закапало на пол.

– О, снова ты! – удивился хозяин, появляясь из кладовой с закупоренной амфорой в руках. – Нашла египтянку?

– Нет. Мне показалось, будто сюда вошел знакомый: пожилой и хромой мужчина.

– Верно, вон он, в углу, – пропыхтел Рино, подтягивая к себе широкий кратер для смешивания напитков. – Эй, Эрос, к тебе пришли!

Вольноотпущенник поднялся с места. Его седые волосы были заплетены в мелкие косички, один глаз подернула мутная пленка, а лицо испещряли тонкие рубцы – внешность словно издевалась над его именем. Кого-то менее подходящего на роль Эроса²⁶ трудно сыскать. Он подозрительно посмотрел на Глафиру и сделал шаг вперед, тяжело ступая на левую ногу.

Амфора, которую держал в руках хозяин, имела конусное дно, и поставить ее вертикально не представлялось возможным. В тот момент, когда он попытался перелить вино, вольноотпущенник поскользнулся на мыльной дорожке и с воплем поехал вперед, оттолкнув кратер. Рино споткнулся о сосуд и столкнулся лбом с Эросом. Амфора покатила по полу. Глафира заорала и бухнулась на колени перед посланником, закатившим глаза. Причитая, она обшарила его пояс, нащупала папирус и незаметно сунула под плащ.

– Он без сознания! – возвестила девушка. – Лекаря!

Пьяные посетители, казалось, вообще не сообразили, что произошло. Кто-то тупо тараторил, кто-то бессмысленно суетился. Глафира выбежала из капелеи и помчалась к лошади.

– Погоди-ка, – обратился к ней стражник. – Это конь начальника полиции нома, ты его украла?

– Я племянница Согена, – она быстро протянула ему свиток с подписью дяди. – И очень спешу. Позови врача, в капелее двое раненых.

Мужчина, пробежав глазами текст, серьезно кивнул, и легко забросил девушку в седло. Она пришпорила Мааха пятками, уже не думая о том, удержится ли, если он перейдет в галоп. Сирийский скакун всхрапнул и ринулся вперед, не разбирая дороги.

– Стой! Не туда! – закричала Глафира, заметив, что они свернули с площади к жилым домам.

Попытка управлять поводьями или как-то успокоить животное ни к чему не привела. Люди на улице шарахались в стороны и посылали проклятия, никто не торопился на помощь.

²³ мыло в те времена представляло собой жидкий раствор из прокипяченной золы с жиром

²⁴ мелкая монета

²⁵ мочевые пузыри животных иногда использовались как сосуды или пакеты, а также как контрацептивы

²⁶ бог любви, помощник Афродиты

Какая-то женщина, высунувшаяся из окна, не придумала ничего лучше, как постучать скалкой о металлическое блюдо, чем усугубила положение – галоп стал еще безумнее. Глафира увидела натянутые бельевые веревки на расстоянии плефра²⁷ от своей головы, и ее сердце сжалось, а руки затряслись. Она зажмурилась и вцепилась в шею Мааха. Но тут произошло чудо. Откуда-то вынырнула высокая мужская фигура, укутанная в темный плащ с капюшоном. Лица не было видно – только аккуратная короткая черная борода. Он вытянул руку ладонью вперед, и конь резко остановился.

– Кто ты? – спросила девушка дрожащим голосом.

Незнакомец ничего не ответил, только мрачно усмехнулся, взял поводья и вывел незадачливых путников прямо ко двору полиции, а потом растворился в толпе. Глафира так и сидела в седле, чувствуя, что тело онемело от страха и не слушается.

– Наконец-то! – радостно воскликнул Никандр, заметив ее. – Соген злится, он собрал свидетелей и ждет тебя. Почему ты такая бледная? Слезай, я подстрахую.

Девушка кулем свалилась вниз. Ноги казались ей ватными, губы пересохли. «Если я сейчас упаду в обморок, дядюшка будет подшучивать надо мною всю оставшуюся жизнь», – подумала она и постаралась собраться с мыслями.

– Ты что, привидение встретила? – спросил лекарь и сунул ей под нос ароматическую соль.

– Маах побежал, – затараторила Глафира. – Я ничего не могла сделать, а тот мужчина меня спас.

– Какой? – недоуменно оглянулся Никандр.

– Что привел нас сюда.

– Но с вами никого не было! Я смотрел в окно: конь спокойно шел, а ты вцепилась в гриву. Забудь, с перепугу люди и не такое видят. Глотни-ка моего бальзамчика для бодрости и беги к Согену.

Глафира подошла к бассейну, из которого пили лошади, посмотрела на свое отражение в воде, умылась, пригладила волосы, потом вынула свиток, отнятый у Эроса, прочла его и удовлетворенно хмыкнула. Она снова накинула на голову гиматий и шагнула в главное помещение полиции. Соген сидел за столом и нервно постукивал пальцем по маленьким водяным часам, изредка свирепо поглядывая на четверых мужчин разного возраста, окруженных стражниками с копьями наперевес. В углу невозмутимо черкал по папирусу писец – напряженная обстановка, видимо, не слишком его беспокоила.

– Я здесь, – сообщила Глафира и помахала рукой дядюшке.

– Прекрасно, – злобно буркнул он. – Начинай.

– Я хотела бы задать вам несколько вопросов, почтенные. Вы видели Тсенобастис, оскорбившую Аммония?

– Да, – послышался нестройный хор.

– Опишите ее. Высокая или низкая? Молодая или старая? Во что одета?

Мужчины заговорили наперебой:

– Молодая, лет 30.

– Нет, старая!

– В сером хитоне.

– Нет, в желтой плотной накидке.

– На каком языке она говорила? – перебила их девушка.

– Ну... на греческом.

– А разве она не египтянка?

– Тогда на египетском.

²⁷ единица измерения равная примерно 30 метрам

– И вы поняли ее слова?

– Жесты были очень красноречивы, – выкрутился молодой ремесленник. – К тому же, она разорвала плащ Аммония.

– Сверху? Снизу? – деловито уточнила Глафира.

– У коленей.

– У шеи.

– Говорите толком! – зарычал Соген, хватая одного из мужчин за хитон. – В прошлый раз вы мне такого наплели, что я не смог найти Тсенобастис.

– А ее и не существует, – объявила девушка. – Это лишь злобный призрак – плод воображения богатого грека.

– Но... – покраснел глава полиции.

– Да, я тоже задавалась вопросом, зачем он все выдумал. Сейчас расскажу. Прежде всего, меня удивило, что столь знатный человек решил побродить по бедному кварталу: ничего интересного там не продают, если он искал какого-нибудь колдуна или ведьму для приворотов и прочей чепухи, то они там не живут. За рынком преимущественно находятся глинобитные дома, комнаты сдаются в аренду заезжим крестьянам, мелким торговцам и тому подобной публике. Зато никто не знает друг друга, так как лица постоянно меняются, и Аммония некому уличить во лжи. У него есть проблемный младший брат Лагул – скандальный и влипающий в истории бездельник. На моих глазах он повздорил со стражниками, потасовку с трудом удалось замять. Далее переходим к статусу самого Аммония: в городе ходят слухи, что он помогал Марку Крассу, но его брат хвастливо упомянул Помпея.

– И что с того? – ворчливо перебил Соген.

Глафира зашагала по комнате и тоном лектора продолжила рассказ:

– Все мы понимаем, что участники триумvirата не слишком жалуют друг друга. Греческие полисы однажды поднимали восстание против Суллы²⁸, объединившись с Митридатом, регион беспокойный, и каждый из триумvirов захочет привлечь местных жителей на свою сторону. Если Аммоний водил за нос Красса, а на самом деле помогал Помпею, то ему, спасаясь от гнева, пришлось перебраться в страну, где о его неприятностях пока никто не знает, залечь на дно и переждать грозу в тихом городке.

– В Арсиное! – догадался Соген.

– Именно! – хлопнула в ладоши девушка. – Однако здесь надо на что-то жить, и Аммонию приглянулись две должности: стратега – для себя, и начальника полиции – для братца. А чтобы осуществить этот грандиозный план, он придумал, как подставить тебя и Диофана. Написал жалобу царю, потребовал расследования, подкупил свидетелей. Вы оба выглядели бы жалкими и ни на что не годными.

– Ты не можешь знать этого наверняка, – заявил дядюшка.

– Могу, – улыбнулась Глафира и жестом фокусника выудила из-под гиматия папирус. – Прочти-ка письмо.

– «Аммонию желает здравствовать Гней Помпей... – растерянно процитировал Соген и, выхватив свиток из рук племянницы, углубился в текст. – Я составлю тебе протекцию при египетском дворе, обратись к хранителю печати – он мой человек. Ты правильно выбрал Арсиною – если твое имя прозвучит в Александрии, то докатится и до Рима, а нам пока этого не надо. Дни Красса сочтены, устраивайся на новом месте, а потом я вытащу тебя из забытой богами дыры. Думаю, из тебя выйдет отличный стратег, а вот твой брат-оболтус только все испортит на должности начальника полиции нома...».

Он ошеломленно поднял глаза на Глафиру.

²⁸ В 88 году до н. э. часть Греции, с афинянами во главе, объединилась с понтийским царём Митридатом против Рима, но проиграла. Римской армией руководил Луций Корнелий Сулла.

– Убедился? – торжествующе спросила она. – Очень подозрительно, что Аммоний сделал посыльным старого и хромого вольноотпущенника, передвигающегося со скоростью улитки. Значит, Эроса ценили за другое качество – преданность. Он не разболтал бы содержание компрометирующих писем. Свидетели ссоры с Тсенобастис, как я уже говорила, подкуплены. Один из них, Меон, либо потребовал доплаты, либо распустил язык, и Эрос вместе с каким-то рабом помоложе и покрепче прирезал его на пороге пивной.

– Мы не виноваты, – пискнул ремесленник. – Аммоний не только предлагал вознаграждение – он угрожал нам.

Согена, казалось, вот-вот хватит удар: лицо покраснело от злости, глаза налились кровью, рот перекосялся. Он схватил двоих мужчин за шиворот и принялся яростно трясти, не обращая внимания на вопли и уговоры.

– В темницу их! Плетей им! Палок!

– За лжесвидетельство полагается штраф, – сухо заметил писец, продолжавший безмятежно разводить чернила водой.

– А тебя кто спрашивает?! – взорвался Соген.

– Ты успеешь наказать их в любой момент, – мягко заметила Глафира, разжимая пальцы дядюшки, впившиеся в волосы юного ремесленника. – Но они пригодятся тебе живыми и здоровыми: отправляйся к стратегу, расскажи, как спас его, а эти люди подтвердят.

Свидетели дружно закивали головами.

– А ведь и правда, – уже спокойнее отозвался начальник полиции и даже улыбнулся. – Коня мне!

– Выходит, ты все-таки распутала эту историю? – спросила за ужином Лидия и погладила по голове сначала внучку, а потом сына.

– Да, – скромно ответила Глафира, с аппетитом поглощая куриную ножку с овощами. – Как же вкусно, я весь день не ела.

– Я бы и сам догадался, – Соген обиженно засопел. – Но у меня дел по горло и нет времени во всем разбираться. Хотя, надо признать, Глафира молодец.

– И, конечно, ты присвоил лавры себе, – подытожила пожилая женщина.

– Мама, ну не мог же я сказать стратегу, что он обязан девчонке. Кстати, есть новости. Помните Архелая²⁹? Того, узурпатора, который попытался захватить трон Птолемея?

– Да, и что? Он погиб в сражении, и больше не представляет угрозы.

– В то время он привлек на свою сторону часть армии и еще где-то взял наемников.

– И? – нетерпеливо заерзала Лидия. – Не тяни.

– Так вот, мы думали, что ими командовал понтийский военачальник Махар с негласного разрешения Митридата, но оказалось, что это была женщина, и действовала она самостоятельно! Сколотила шайку из солдат-дезертиров разных национальностей и предложила свои услуги Архелая. На днях она зачем-то проникла в храм Себека³⁰ – наверняка, чтобы украсть что-нибудь из ценностей – верховный жрец отправил мне письмо с предупреждением.

– Какая-то чепуха, – отмахнулась Глафира. – Откуда жрецу знать, что она командовала наемниками? Может, он врет.

– Ха! Я послал за ней двенадцать стражников, и она перебила их всех в одиночку. Зачем, если на ней нет вины?

²⁹ царь Египта до 55 г. до н.э. Пока Птолемей XII был в изгнании, Архелай женился на его дочери Беренике и разделил с ней престол.

³⁰ древнеегипетский бог воды в обличье крокодила

– И как она это сделала? – восхищенно спросила девушка.

– Понятия не имею, – развел руками Соген. – Очевидно, что она отличный воин, перво-классная убийца – я вынужден был отправить подкрепление.

– Как ее зовут?

– Ксантия, если я правильно понял. Ее все-таки арестовали и завтра приведут в нашу темницу, так что с утра полюбуйтесь из окна.

Засыпая, Глафира подумала: «Я должна встретиться с Ксантией... И с тем незнакомцем, который остановил лошадь и спас меня». Она не смогла бы объяснить, почему это так важно, просто почувствовала, что ее дальнейшая жизнь может круто измениться.

Девушка из озера

*«И, хотя мое тело похоронено, –
дозволь мне подняться,
да будет дано мне ходить
и победить всех своих врагов на земле».
(Папирус Ани, «Книга мертвых»)*

С юго-запада подул прохладный ветер, небо неожиданно заволочло тучами, предвещающими грозу. Деревья угрожающе покачивали кронами, насекомые, даже самые назойливые, перестали жужжать и куда-то спрятались. Такую погоду Глафира в последний раз наблюдала два года назад, и на душе отчего-то стало тяжело. Она стояла у ворот, завернувшись в тонкий шерстяной гиматий, и вглядывалась в дорогу. Обзору мешали клубы пыли и песка, поднятые потоками воздуха.

– Госпожа Лидия велела мне сказать, что она ждет тебя в доме, – почтительным шепотом сообщила рабыня, тронув девушку за плечо.

– Передай ей, что я останусь здесь, – твердо заявила Глафира.

Вдали послышался неясный шум, голоса и стройный, чеканный шаг, какой могли выдавать только стражники или солдаты. Гул нарастал, и впереди показались двое всадников в доспехах, вооруженные короткими мечами, круглыми щитами и копьями. Они рассредоточились по разным сторонам дороги, чтобы отогнать толпу, если она соберется. Однако пока что их путь лежал через богатые виллы с большими садами, расстояние между которыми могло достигать нескольких стадиев³¹, так что кроме Глафиры на улице никого не было.

Пешие стражники сопровождали высокую девушку лет двадцати в ободранной серой хламиде до колен. Ее длинные черные волосы в блеснувшем из-за туч солнце отливали красноватой медью, руки связывала за спиной толстая веревка, а босые ноги натерлись до кровавых мозолей. Тем не менее, она не выглядела напуганной или страдающей, шла прямо, и красивое лицо выражало полнейшее презрение. Поравнявшись с Глафирой, девушка на несколько секунд повернулась к ней, скользнула холодным равнодушным взглядом и вновь отвернулась. На ее правой скуле синел кровоподтек.

– Идем домой! – Лидия, выбежала за ворота и настойчиво потащила внучку за руку. – Хватит!

– Бабушка! – звенящим шепотом позвала Глафира. – Бабушка, ты видела? У нее голубые глаза. Как у меня.

Пожилая женщина нежно обняла ее и грустно вздохнула. Да, девочка не похожа ни на родню, ни на людей вокруг, но у нее есть любящая семья. Разве этого мало? Разве она, Лидия, не старалась изо всех сил заменить Глафире и мать, и отца? Почему теперь, заметив крошечное сходство с посторонним человеком, ее внучка проявляет такое участие, такую горячность?

– Я должна поехать к Согену!

– Прямо сейчас? – растерялась пожилая женщина. – В такую погоду? Вот-вот начнется дождь и... и я не позволяю тебе!

Глафира вырвала свою руку из бабушкиной и серьезно ответила:

– Пойми, я не могу остаться в стороне. Мы обе знаем дядю. Если Ксантия ничего не скажет ему на допросе, он применит пытки.

– Она убийца, – попыталась возразить Лидия.

³¹ имеется в виду эллинистический стадий равный примерно 3 км

– Не верю, – уперлась девушка. – Зачем она явилась в храм Себека одна, без армии или хотя бы какого-то сопровождения? Откуда жрецу известно ее имя и род занятий, если до недавнего времени считалось, что наемниками руководил другой человек?

– Соген все равно не разрешит тебе вмешиваться, – выдвинула последний и самый веский аргумент Лидия.

Но Глафира уже не слушала: она подхватила полы длинных одежд и побежала через внутренний двор в кладовую. Там она схватила несколько яблок, два вполне зрелых апельсина, горсть сушеных фиников, толстую пшеничную лепешку и сыпала все в плетеную корзину. Поразмыслив, добавила к продуктам кожаный бурдюк со свежей водой и направилась в конюшню.

Аристофан с отрешенно-философским видом лежал на соломенной подстилке, подогнув под себя передние ноги, и тщательно пережевывал ботву от редиски. Услышав свое имя, произнесенное взволнованным голосом хозяйки, он даже не встрепенулся – только слегка приподнял ухо.

– Знаю, ты не любишь, когда тебя тревожат, – виновато сказала Глафира. – Но это вопрос жизни и смерти – мне нужно поскорее попасть в полицию.

Ослик фыркнул. Люди – такие странные создания. Постоянно куда-то торопятся, и каждый повод для суеты кажется им важным. А у него тоже, между прочим, забот хватает – ворох зелени в углу стойла сам себя не съест.

– Пожалуйста, – в глазах девушки блеснули слезы. – Я должна успеть. Арестовали одну женщину, и кроме меня ей никто не поможет.

Аристофан протяжно вздохнул и поднялся на ноги.

– Спасибо! Мой умница, мой красавчик! – Глафира чмокнула его в морду.

Ослик, словно преданный последователь стоицизма³², героически вытерпел и поцелуй, и процесс снаряжения. К счастью, хозяйка оказалась легкой – не то, что ужасные глиняные горшки, которые пытался навесить на него предыдущий владелец. Остается только надеяться, что она оценит его поступок и угостит чем-нибудь вкусненьким, например, арбузом. Мечтая о сочной ягоде, Аристофан резво потрусил по дороге, ведущей от частных вилл к центру города.

Спешившись во дворе полиции, Глафира растерялась, раздумывая, то ли зайти в первую очередь к лекарю, то ли сразу спешить в тюрьму. Сомнения развеял часовой, стоявший на посту:

– Ты ищешь Никандра? – спросил он. – Его нет, они с Согеном только что уехали: в каком-то богатом поместье братья прирезали друг друга, а их отец винит во всем соседа. Назрел крупный скандал, так что начальнику пришлось вмешаться.

Девушка вздохнула с облегчением: от Ксантии ненадолго отстанут, допрос придется отложить. Она достала папирус с печатью дяди, который предусмотрительно приберегла на такой случай, и показала часовому.

– Я хотела бы видеть заключенную, ее привели сегодня.

Стражник нахмурился, но потом прочел: «Податель документа действует в интересах полиции нома» и кивнул. Глафира пошла за ним в каменное здание, отведенное под темницу. Его сконструировали таким образом, чтобы внутри не было слишком жарко, но не из милосердия к арестованным, а потому что рядом находились вольеры с дрессированными обезьянами – они искали беглых рабов и очень ценились. Внутри большого зала с окнами под потолком размещались высокие металлические клетки – в них и сидели люди.

– Мятажницу мы отправили в угловую камеру, чтобы она не могла переговариваться с другими, – пояснил часовой. – Будь осторожна, не приближайся к решетке.

³² философская школа, возникшая ок. 300 г. до н.э. и призывавшая проявлять твердость в жизненных испытаниях

Глафира поблагодарила и дождалась, пока стражник уйдет, а потом подошла поближе. Ксантия сидела на соломенной подстилке, подтянув к себе колени и откинув голову назад.

– Здравствуй! Я принесла тебе немного еды. Меня зовут Глафира.

Никакой реакции не последовало, хотя в глазах заключенной мелькнуло узнавание.

– Я хочу вызволить тебя отсюда, – приступила к главному Глафира и протянула хлеб сквозь прутья.

Ксантия слегка поморщилась, видимо, у нее болела голова, но приняла лепешку, фрукты и воду, а потом коротко ответила:

– Ты не сможешь мне помочь.

– Да, наверное, я выгляжу не очень убедительно. Но у меня есть опыт в раскрытии преступлений, я добьюсь, чтобы тебя признали невиновной.

– Неужели? – брюнетка окинула девушку скептическим взглядом.

Глафира кратко описала свои прошлые приключения. Ксантия выслушала их терпеливо, но равнодушно, потом спросила:

– Зачем я тебе?

– Трудно объяснить... Когда я была маленькой, одну рабыню из нашего дома обвинили в краже денег. Я знала, что она ни при чем, но доказать не могла. Ее наказали, избили плетьюми, я слышала крики и чувствовала ужасную беспомощность. Больше такого не повторится: я училась у лучшего лекаря города, он объяснил мне, как рассматривать раны, определять время смерти, читать следы и обнаруживать яды. Теперь я умею находить факты, которые никто не посмеет оспорить. И я не позволю им подвергнуть тебя казни или мучениям.

Глафира гордо вскинула голову, ее глаза горели почти фанатичным огнем. Ксантия усмехнулась, слегка приподняв уголки губ:

– Со мной тебе придется сложно: я ничего не помню.

– Значит, расскажи то, что помнишь, – настаивала Глафира. – А я разберусь.

– Что ж, попробуй, – ответила заключенная, словно бросая вызов. – Я вышла из какого-то озера – понятия не имею, что я там делала – и увидела большой каменный храм. Вокруг возились люди: священнослужители и рабы. Меня проводили к главному жрецу, он предложил еду и кров. Утром я проснулась в окружении стражников, они напали, я почти отбилась, но кто-то нанес мне удар сзади по голове. И теперь я здесь.

– Погоди-ка, – потрясла головой Глафира. – Давай поподробнее: кто ты? Чем занималась?

– Не знаю. Я даже не уверена в собственном имени – как будто мне просто нашептали его на ухо, и оно не вызывает никаких чувств. Я помню себя только с того момента, как вышла из воды.

– Это странно... – протянула Глафира. – Ты зачем-то купалась в озере Мер-Уэр³³, которое кишит священными крокодилами, и тебя не съели?

Ксантия развела руками, мол, сама видишь, сижу перед тобой целая и почти невредимая.

– Ладно... Какие вещи при тебе были?

– Никаких. Кроме куска расшитой золотом красной тонкой ткани на мне. Я сменила ее на сухую хламиду.

Глафира ощутила непреодолимое желание почесать затылок, как обычно делал юный писец Никандра, когда запутывался в словах и фразах. Уж не дурачит ли ее эта брюнетка? Хотя нет, в ее взгляде мелькает вполне искренняя растерянность. Девушке доводилось видеть отрезки красного шуршащего шелка с богатым шитьем – их привозили в небольшом количестве по просьбе ее бабушки из империи Хань³⁴. Стоили такие ткани баснословных денег, их покупали только очень состоятельные люди, вроде того же Марка Красса. Даже царь Птолемей,

³³ древнеегипетское название Меридова озера в оазисе Эль-Файюм

³⁴ китайское государство в I в. до н.э.

нынешний правитель Египта, погрязший в долгах, едва ли смог бы позволить себе пару локтей азиатского полотна. Если Ксантия в него нарядилась, то кем она была? Принцессой? Но, кажется, все дочери окрестных царей на месте, никто не объявлял о похищении. Или новости пока не распространились? И откуда у наследницы престола боевые навыки?

– Как ты поняла, что умеешь драться? – из всех вопросов Глафира выбрала именно этот.

– Тело сработало, – просто ответила Ксантия. – Я выбила меч из рук стражника и вонзила лезвие ему в бок.

– И как ощущения? Ты не испугалась, не расстроилась, что убила человека?

– Нет, кажется, я привыкла так поступать.

– Ты говоришь по-гречески, значит, жила в пределах эллинского мира, – рассудила Глафира. – Ты понимаешь, в каком городе и в какой стране находишься?

Ксантия отрицательно покачала головой.

– Ладно, – протянула Глафира, прикидывая, как бы вкратце изложить столь обширную информацию. – Это Арсиноя в Египте. Раньше город назывался Крокодилополем, он расположен в оазисе, потому здесь красиво, зелено и прохладно. Наша столица называется Александрией, а государством правит Птолемей XII. Поблизости есть Римская республика – большой и опасный враг, который постоянно расширяет территорию, захватывая соседей. Там командуют три могущественных человека: Юлий Цезарь, Марк Красс и Гней Помпей. Им принадлежит большая часть греческих полисов, Галлия и Карфаген. Восточнее нас раскинулись Парфия и Каппадокия, севернее – Понтийское царство.

– Юлий Цезарь, – эхом повторила Ксантия. – Кажется, я слышала это имя.

– Не удивительно, – пожалала плечами Глафира. – Он знаменит. Но если хочешь знать мое мнение, то Рим – настоящая клоака. Они так гордятся своей культурой, науками и законами, а их женщины сидят по домам и не участвуют в общественной жизни. Не хотела бы я быть гражданкой подобной республики. Но вернемся к делу: итак, ты выбралась из воды и пришла в храм. Что сказал жрец?

– Спросил, кто я такая. Я ответила, что меня зовут Ксантия, и он как будто не удивился – даже обрадовался. Предложил поесть и остаться на ночь в одной из пристроек за воротами. Я приняла приглашение – все равно не знала, что делать и куда идти.

– То есть, он тебя узнал?

– Судя по всему, да.

– Тогда надо съездить к нему и поговорить, – Глафира решительно встала.

– И тебе позволят? – усомнилась брюнетка.

– Надеюсь. Стратег – мой должник. Я вернусь, как только появятся новости.

Глафира вышла из темницы и отправилась к главному зданию. Тучи сгустились еще сильнее, вдалеке загремели раскаты грома, и на землю упало несколько крупных капель дождя. В канцелярии она нашла Согена и Диофана: оба беспокойно вышагивали из стороны в сторону.

– Сыновья Полиния – те еще головорезы, я не удивлен, что они прикончили друг друга. У младшего все лицо исполосовано мечом. И как, во имя Сераписа, к этому причастен сосед? – возмущался стратег.

– Что мне делать с жалобой отца? – вопрошал, в свою очередь, начальник полиции. – Давать ответ в любом случае придется. Он не успокоится, пока не дойдет до царя и...

Тут он замолчал, заметив племянницу, а потом обрушился и на нее:

– Кто разрешал тебе разговаривать с арестованной? Ты слишком много себе позволяешь! Немедленно отправляйся домой!

– Выслушай меня, пожалуйста, – прервала его Глафира. – Та девушка, Ксантия... Ее дело не такое простое, как кажется.

– О, даже не начинай!

– Ее обвиняют в поддержке узурпатора, – вставил Диофан. – Мы не можем рисковать, эту женщину лучше сразу казнить.

– Да, звучит разумно, – сменила тактику Глафира. – Но я беспокоюсь: вдруг вам подслушали невиновного человека, чтобы вы радостно повесили его или отрубили голову, отчитались Птолемею, что он вне опасности, а настоящие заговорщики, тем временем, воплотили какой-то новый план в действие. Иначе с чего бы старой истории снова лезть на поверхность? Архелай давно мертв, но, возможно, его бывшие сторонники придумали что-то еще, нашли себе другого кандидата на престол, а вас направили по ложному следу. И хорошо, если царя убьют, но если он выживет, то вам обоим конец.

Она эффектно провела ребром ладони по горлу. Соген нервно сглотнул, стратег нахмурился.

– Нет, спешить нельзя, нужно сперва выяснить, что к чему, – подытожила девушка, закрепляя успех. – Ксантия в тюрьме, ей некуда бежать, значит, займемся теми, кто на свободе. Например, верховным жрецом Себека.

– Аменемхетом? Почему им? – встрепенулся Диофан.

– Он живет при храме, вдали от города и новостей, но каким-то образом раньше вас успел узнать, кто такая Ксантия, как она выглядит и ее роль в мятеже. Разве не тебе, стратегу нома, ежедневно докладывают соглядатаи? Но ты думал, что во главе наемников стоял мужчина, пока священнослужитель не просветил тебя, не так ли?

– Да, – признал он и напустился на Согена. – И почему ты молчал? Ты должен был заметить, что все это выглядит подозрительно!

Начальник полиции залился краской, но возражать не посмел – виновато склонил голову и принялся теревить полу короткого плаща.

– Мы немедленно отправимся в храм, – тут же вставила Глафира и вежливо добавила. – Если ты прикажешь.

– Приказываю, – кивнул стратег. – И возьмите с собой отряд стражников на всякий случай.

– Девчонка останется здесь, – насунился Соген. – Я прекрасно справлюсь сам.

– Нет уж, – нетерпеливо отмахнулся Диофан. – Я должен быть уверен, что ты ничего не забудешь, не перепутаешь и не испортишь. Думаешь, я не знаю, кто раскрыл намерения Аммония сместить меня? Твоя племянница. А ты бессовестно хвастался. И не вздумай перечить. В путь! Хотя, ладно, подождите, пока дождь закончится.

– Могу я попросить об одном маленьком одолжении? – Глафира умоляюще сложила руки.

– Ну что еще? – проворчал стратег.

– Не допрашивай Ксантию без меня. Она станет гораздо разговорчивее, когда мы добудем больше информации.

– Обещаю, – Диофан легонько стукнул себя в грудь. – Но не медли и выясни все.

С этими словами он повернулся к присутствующим спиной и вышел из канцелярии.

– Седлать лошадей! – гаркнул Соген, выглянув в коридор, а потом обратился к племяннице. – Ты тоже поскачешь верхом, потому что я не намерен терпеть твоего ленивого осла и плестись к озеру до следующего рассвета.

– Ладно, – не стала спорить Глафира. – Но пока не кончился дождь, давай покопаемся в городских архивах.

– Зачем?

– Чтобы в общих чертах узнать о храме и верховном жреце.

– Что именно?

– Ну... не делали ли Береника или Архелай пожертвований во время своего правления?

– Я и так помню, что нет, – проворчал дядюшка. – Они сюда и носу не казали. Единственное происшествие, связанное с храмом Себека случилось месяца три назад, да и то обернулось полнейшей ерундой. Аменемхет пожаловался Диофану и мне, что святилище обокрали неизвестные – унесли ценностей на три тысячи талантов³⁵. Я, конечно, отрядил стражников на поиски вора, а спустя два дня жрец заявил, что сокровища нашлись – кто-то из младших служителей перетащил их в другое место, ничего не сказал, а сам уехал по делам. Словом, вышло недоразумение.

– Как интересно, – задумчиво ответила Глафира.

Соген только раздраженно пожал плечами – он не усматривал в этой глупой истории ничего примечательного. Его совершенно напрасно заставили колесить по городу, осматривать бесконечные храмовые помещения и составлять длинный список пропавших вещей. Как истинный сноб, он недолюбливал египтян, но после завоевания их страны диадохи³⁶ Александра Македонского заняли по отношению к коренному населению подчеркнуто вежливую позицию. Египетские боги отождествлялись с греческими, их храмы украшались и оберегались, для местных жителей существовали отдельные суды, соблюдавшие древние законы. Приходилось считаться с таким положением вещей, хотя Согену оно казалось неразумным.

– Дождь закончился, – буркнул он, выглянув в окно. – Поехали.

Святилище Себека представляло собой почти неприступную крепость с каменными башнями и воротами из эбенового дерева. Оно раскинулось на берегу великолепного озера, заросшего папирусной осокой и лотосами. Непокколебимую гладь воды то и дело пересекали спины крокодилов – священных животных. О них заботились лучше, чем о людях: трижды в день к озеру спускались жрецы с корзинами мяса и пышного пшеничного хлеба, вымоченного в вине. Любимых детищ Себека кормили с рук, но они все равно оставались дикими и агрессивными.

Соген беспокойно озирался по сторонам, боясь, что конь наступит на ползучую тварь. Он помнил, как семь лет назад толпа разорвала римлянина³⁷, переехавшего кошку повозкой, и не хотел оказаться на его месте. Он вздохнул с облегчением только у ворот храма.

– Ты позволишь мне самой задать вопросы Аменемхету? – Глафира тронула его за руку.

– С какой стати? – презрительно скривился дядюшка.

– Ты же важный чиновник, разве тебе пристало лично обращаться к какому-то египтянину, когда рядом есть другие. Я, кажется, не самая худшая кандидатура для переговоров.

Уловка сработала: Соген приосанился, напустил на себя неприступный вид, а главное – крепко сжал губы. Глафира спрятала улыбку. У неё появилась кое-какая идея, но чтобы реализовать ее, требовалось избавиться от дядюшкиного вмешательства.

Аменемхет вышел к ним в сопровождении пятерых сау³⁸. Это был высокий жилистый мужчина с гладко выбритым черепом, глазами, подведенными черным кохлом³⁹, в белых льняных одеждах, украшенных изумрудами и бирюзой. Он застыл с величественным видом, ожидая от начальника полиции нома объяснений.

– Здравствуй! – Глафира выступила вперед и почтительно наклонила голову в знак приветствия. – Нам нужно поговорить с тобой, Хем Нетхер Тепи⁴⁰. О той девушке, Ксантии. Ты послал за стражниками и уверял, что она руководила наемниками, но кое-что не сходится.

³⁵ самая крупная денежная единица, равная 60 минам или 6000 драм

³⁶ полководцы Александра Македонского и его наместники на завоеванных территориях. После смерти Александра они разделили его империю, некоторые основали прочные династии, например, египетские Птолемеи правили 275 лет

³⁷ это событие произошло в 60 г. до н. э. и описано Диодором Сицилийским

³⁸ храмовые стражники в Древнем Египте.

³⁹ кохл (сурьма) – традиционная подводка для глаз, использовалась не только в косметических целях, но и как антисептик

⁴⁰ почтительное обращение к верховному жрецу, означающее «первый слуга бога»

– Что не сходится? – презрительно бросил Аменемхет, сохраняя полнейшее спокойствие. – Я подробно изложил в письме: женщина сама призналась мне во всем и попросила убежища в храме, но я не могу укрывать заговорщиков, и потому выдал ее властям.

– Увы, – Глафира развела руками. – Как известно, начальник полиции, мой дорогой дядя, человек очень ответственный и наблюдательный. Почти все окрестные селения в нашем оазисе и к югу от него – клерухии, где земельные наделы получили расквартированные воины. Их ничего не стоит собрать и вооружить. Конечно, они должны подчиняться царю, но... людей легко соблазнить деньгами. Естественно, Соген присматривает за ними, чтобы подобного не случилось. И, вообрази себе его удивление, когда он получил твое письмо, а оно полностью расходится с докладом соглядатаев – Ксантию никто не знает.

Девушка очаровательно улыбнулась. Верховный жрец нервно сглотнул и слегка попятился, словно намеревался убежать, а Соген застыл в своей нелепой напыщенной позе. Он понятия не имел, к чему клонит племянница, но остановить ее не мог: приходилось и дальше изображать, будто она говорит от его имени.

– Естественно, нам известно, кто на самом деле плетет заговор, а главное – кто и зачем украл те сокровища из храма, а потом вернул на место, – довершила Глафира, впившись взглядом в служителя культа.

Аменемхет сначала онемел от ужаса, а потом вдруг закричал, срывая с себя многочисленные браслеты:

– Это сделал я! Я! Ясно вам? Я собирался свергнуть Птолемея!

– Конечно, – кивнула девушка. – Но как тебе в голову пришло подставить Ксантию, и откуда ты узнал ее имя, если она ничего о себе не помнит?

– Шестнадцать лет назад меня пригласили на праздник в святилище Гора ⁴¹в Эдфу. Там я услышал странное пророчество, – вдруг торопливо заговорил жрец. – Что-то вроде «договор выполнен, жизнь за жизнь, она выйдет из воды там, где принесена жертва». Речь шла о женщине, которая то ли пропала много лет назад, то ли умерла, но должна вернуться, и ей будет дано имя Ксантия. И вот, спустя годы, она появилась из озера прямо в моем храме! Я не мог упустить такой шанс.

– Но как ты узнал, что она воин и способна руководить армией? – нажимала Глафира.

– Я навел кое-какие справки. Покопался в старых книгах и предсказаниях – меня интересовало, с какой стати богам возвращать в мир живых обычную женщину, ведь такого никогда не происходило. Оказалось, что раньше Ксантия была знаменита на своей родине – где-то в далеких северо-восточных землях и...

Тут в воздухе раздался странный свист, и Аменемхет схватился руками за горло. На его белые одежды хлынула кровь, он упал на землю. Секунду все стояли, как вкопанные, потом началась страшная суматоха: двое сау попытались поднять его, один принялся неистово колотить в ворота и звать на помощь на египетском языке. Соген, собравшись, наконец, с мыслями, гаркнул приказным тоном:

– Позвать лекаря! Отойти от жреца! Поймать убийцу!

Глафира осторожно приблизилась к служителю культа: его глаза смотрели в небо остекленевшим, бессмысленным взглядом, пальцы, сжимавшие рану, разжались, из горла торчала рукоять ножа, украшенная гравировкой в виде собачьей головы. Она обернулась: на расстоянии пятнадцати-двадцати шагов росло несколько пальм – наверное, нападавший прятался за ними. Но куда он делся потом? Исчез на длинной пустынной дороге? Свернул к озеру напрямик в пасти крокодилов? Нет, это невозможно.

– Нет, это невозможно! – озвучил ее мысли дядюшка, когда стражники разбежались. – Я дал тебе разрешение говорить за меня, признание в заговоре было в наших руках! И вместо

⁴¹ Гор – сын Осириса и Исиды, бог неба и солнца, изображался с головой сокола

того, чтобы вытащить из Аменемхета сведения о его сообщниках и планах, ты расспрашиваешь о какой-то Ксантии, Амаг⁴² ее задери! Теперь мы ничего не знаем, кроме глупых баек о пророчествах и прочей чепухе!

– Зато девушку можно отпустить, раз она невиновна, – заметила Глафира.

– Что? – Соген почти смеялся. – Она останется в тюрьме до тех пор, пока ты не найдешь всех заговорщиков! Поняла? Всех до единого!

– Идите сюда! – крикнул один из стражников. – Посмотрите на следы!

Глафира подбежала к пальме, за которой, по ее предположениям, мог укрыться убийца. На влажной от дождя земле отпечатались копыта лошадей, идущих друг за другом по направлению к храму. Никаких признаков человека, удирающего в обратную сторону.

– Ты что-нибудь понимаешь? – озадаченно спросил Соген, слегка остыв. – Куда он подевался?

– Прыгнул в озеро! – услужливо подсказал подчиненный. – Прямо с верхушки пальмы.

– Я не тебя спрашиваю, – огрызнулся начальник полиции. – Придумай что-то более правдоподобное.

– Бежал по траве, а наши кони уничтожили следы, – неуверенно предположила Глафира. – Но это не объясняет, как ему удалось так быстро скрыться из виду.

– Возьми из моей седельной сумки свиток, чернила, каламос и запиши все, что мы видели, – приказал ей Соген. – Не забудь про труп. Пошли за Никандром – пусть осмотрит рану. Я пока поговорю с другими жрецами.

Глафира хотела предостеречь, чтобы дядюшка не переусердствовал в допросах, и не вынудил служителей пожаловаться царю на полицейский произвол, но промолчала. День выдался слишком трудным, события путались в ее голове, создавая какой-то бессмысленный вихрь фактов. Она почти механически взяла набор для письма, уселась прямо под стеной храма на сухую землю и принялась старательно воспроизводить последовательность разговора с Аменемхетом. Потом устало откинула голову назад и закрыла глаза. Девушке показалось, что не прошло и пяти минут, как кто-то тронул ее за плечо. Она вздрогнула и увидела перед собой Никандра, сияющего широкой улыбкой:

– Проснись! Нас ждут великие дела! Думал, ты тут вовсю занимаешься расследованием, а не хранишь в тенечке.

Глафира поднялась на ноги и виновато ответила:

– Я запуталась. Не знаю, с чего начать.

– Значит, пора распутываться, – оптимистично скомандовал лекарь, вынимая из сумки футляры с инструментами и повязывая кожаный фартук. – Смотри, какой красавец! Кто ж его так уделал?

Он присел перед верховным жрецом на корточки и потрогал рукоятку кинжала, насвистывая бодрый мотив, деловито осмотрел рану и вынес вердикт:

– Брошено шагов с двадцати, не меньше, лезвие прошло насквозь и застряло в позвоночнике. Убийца – сильный мужчина, ростом не ниже жертвы – точнее можно определить по следам.

– Нельзя, – горестно вздохнула Глафира. – Их нет.

– Это шутка? – Никандр уставился на нее, но не нашел и намека на улыбку, а потому поспешил удостовериться в правдивости ее слов.

– Вот, – девушка обвела рукой пространство от пальмы к дороге. – Я предположила, что нападавший убегал по траве, а наши лошади потом помяли отпечатки – мы оставили их пасться. Кинжал метнули не со стороны храма.

– И не с дерева, – заверил лекарь. – Иначе рана выглядела бы по-другому. Ловко!

⁴² Амаг – чудовище в царстве мертвых, пожирающее сердца людей

– Я говорила с Аменемхетом. Сделала вид, будто мне достоверно известно, кто замешан в заговоре, и это не Ксантия. А он тут же признался, что хотел свергнуть Птолемея. Разве так поступают интриганы и смутьяны? Я ожидала, что он будет до последнего опровергать мои намеки, потребует доказательств, подаст жалобы на нас с Согеном.

– Кого-то выгораживал? – тут же сообразил Никандр. – И этот кто-то стоял неподалеку, позволил жрецу принять вину на себя, а потом убил, чтоб тот ненароком не сказал лишнего? Тогда надо начать с его семьи и друзей: только ради близких можно солгать, не испугавшись казни. Куда подевался твой дядюшка? А, угадаю, пошел в храм – напрашиваться на неприятности.

Словно в театральной постановке, иллюстрирующей реплику хора, ворота открылись, и из них вышел красный и злой Соген, продолжавший орать что-то вслед группе служителей Себека, потрясая не особенно внушительным кулаком. Его обогнала девушка лет двадцати трех в белых одеждах и с систрумом⁴³ в руках. Заметив лежавшего на земле Аменемхета, она зарыдала и упала перед ним на колени.

Никандр, сохраняя полнейшее спокойствие, достал из сумки стеклянный пузырек, накапал в крышку какого-то зеленого снадобья и протянул ей.

– Выпей, станет немного легче. Он тебе кто?

– Отец, – девушка всхлипнула, но микстуру приняла. – Меня зовут Баса. Я музыкант при храме – страшная новость застала меня во время обряда, пришлось допеть, прежде чем бежать сюда. Кто... кто мог сотворить такое?

– Мы пока не знаем, – Глафира обняла ее за плечи. – Но обязательно выясним, если ты нам поможешь.

– Я хочу забрать его, – тихо сказала Баса. – Нужно заняться погребением, как полагается.

– Конечно, – разрешил Никандр. – Я уже закончил.

И тут Соген, с присущей ему бесцеремонностью, подошел к мертвецу и выдернул клинок из его горла, игнорируя укоризненные взгляды Глафиры и Никандра. Дочь Аменемхета в ужасе отвернулась, закрыв лицо ладонями, и зашлась в новом приступе плача.

– Я приношу несчастья! – заявила она. – Сначала меня бросил жених, теперь погиб отец.

Начальник полиции, будто не замечая спровоцированной им истерики, смерил взглядом кинжал, взвесил его на ладони и удивленно присвистнул, пробормотав:

– Не понимаю, как такое можно метнуть.

Глафира решила, что пора что-нибудь предпринять. Она сняла собственный гиматий и набросила на труп, потом приказала стражникам унести его на территорию храма, не дожидаясь разрешения дядюшки, помогла подняться Басе и увела ее во внутренний дворик святилища, когда открылись ворота.

– Ты живешь где-то здесь? – Глафира оглядела широкую площадку и мелькавшие вдали строения.

– Да, нужно повернуть направо, к бассейну для омовений – наш с папой дом как раз напротив, – скороговоркой ответила Баса, наблюдая, как тело Аменемхета забирают жрецы Ка⁴⁴. Она еле волочила ноги, и кое-как добралась до деревянной скамейки у крыльца, чтобы рухнуть на нее без сил. Девушка уткнулась носом в подушку и вновь залилась слезами. Глафира присела рядом и погладила ее по голове. От Никандра она слышала, что людям, перенесшим тяжелое потрясение, необходимо выговориться, и предприняла робкую попытку возобновить диалог:

– У тебя есть еще родные?

⁴³ музыкальный инструмент в виде металлической пластины, к которой прикреплены загнутые тонкие прутья. Издает мелодичный звук при встряхивании

⁴⁴ Ка – значит «судьба», «жизненная энергия». Жрецы Ка занимались погребением и руководили бальзамировщиками. Фигурки Ка клали в гробницу – они должны были выполнять за покойного всю работу в мире мертвых

– Нет.

– А что там случилось с женихом? – сказав это, она едва не прикусила язык, сообразив, что ведет себя, как Соген.

Но Баса неожиданно успокоилась, села, вытерла лицо и вполне связно сказала:

– Папа всю жизнь дружил с одним человеком – Харвой, он тоже сначала был жрецом – ами унут или, по-вашему, астрономом. Потом получил статус ученого и оставил служение Себеку. Харва поселился на собственной вилле на юге Арсинои, обзавелся семьей. Мы с его сыном Бакехонсу обручились еще в подростковом возрасте. В 16 лет его отправили в Понт – обучать местных школьников, но корабль потерпел крушение. Долгое время мы считали Бакехонсу мертвым, но он вернулся в прошлом году. И... отказался встретиться со мной! Да что там, он даже не ответил на мое письмо! А две недели назад официально разорвал помолвку.

Глафира удивилась. Египтяне не слишком-то жаловали иностранцев, и отправить сына в Понт захотел бы далеко не каждый жрец. Его ребенку предстояло есть за одним столом с иноверцами, а это уже считалось осквернением души. Кроме того, чему шестнадцатилетний подросток способен научить других детей, если он сам еще не закончил школу? На ее лице отразилось сомнение, не укрывшееся от глаз Басы.

– Мать Бакехонсу была понтийкой – римляне захватили ее в плен и продали в рабство, она оказалась в Египте и работала при храме, потом ее выкупил Харва. У них родился сын. Родственники женщины заплатили астроному несколько талантов, чтобы он отпустил ее. Тот согласился, но младенца не отдал – законная жена привязалась к мальчику. История получилась... э-э-э, – девушка на мгновение запнулась, подбирая подходящее слово. – Запоминающаяся. Разумеется, она дошла и до ушей Бакехонсу: он страшно разозлился и отбыл в Понт к матери, не слушая уговоров отца.

– Понятно, – кивнула Глафира. – Но почему он позволил, чтобы его так долго считали мертвым?

– Не знаю, – Баса передернула плечами. – Он не хочет со мной говорить.

– Тебя это настолько расстроило? Вас же обручили в детстве. Наверное, родители тешили себя мечтами о родстве семей. Естественно, что теперь все изменилось.

Жрица внезапно резко встала и зло посмотрела на девушку.

– Ты когда-нибудь любила? – спросила она.

– Нет.

– Ладно, но хотя бы представляла, каким будет твой избранник?

Глафира на минуту задумалась и отрицательно покачала головой. Всю жизнь она мечтала о верном и надежном друге: не важно, какого пола, лишь бы он разделял ее взгляды и поддерживал в трудную минуту. Вот этот образ она могла бы описать с легкостью. Любовь же для нее пока оставалась чем-то неопределенным и ограничивалась нежными чувствами к родным и Аристофану. Когда-то Глафира прочла «Песнь песней» Соломона – самую, на ее взгляд, красиво описанную историю страсти, но так и не осознала глубину проблемы. Царь, имевший целый гарем, зачем-то пристал к обычной девушке и преследовал ее, пока она не предложила своему жениху бежать. Это казалось чем-то странным, далеким и непостижимым. Но текст Глафира выучила назубок и не преминула озвучить:

– «Положи меня, как печать, на сердце твоё, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы её – стрелы огненные».

Баса выслушала с восторгом и воскликнула:

– Именно! Именно так! Я подозреваю, что Бакехонсу влюбился в кого-то еще, а меня бросил. А я мечтала о нем с детства. Я представляла, как мы поселимся в большом доме с садом и будем сидеть вечерами у бассейна в окружении детей, а потом внуков. И вот, сначала меня едва не убила весть о его гибели, а потом он вернулся и снова воткнул мне нож в сердце.

– Аменехет, наверное, разозлился на него?

– Нет! – отчаянно всплеснула руками жрица. – Он даже не понял, как мне больно! Харва так и остался его лучшим другом, почти братом, а Бакехонсу – кем-то вроде племянника. Как погиб мой отец?

– Мы с ним говорили, – осторожно сказала Глафира. – Я спрашивала о Ксантии...

– Той таинственной девушке, появившейся из озера?

– Да. Так вот, Аменемхет внезапно признался мне, что собирался свергнуть царя, и тут кто-то метнул в него кинжал.

Баса недоверчиво покосилась на нее.

– Отец плел заговор? Уму непостижимо!

– Он сам так сказал. Ты что-нибудь знаешь о краже ценностей из храмовой сокровищницы?

Жрица махнула рукой:

– Сушая ерунда. Мы украшаем статую Себека в зависимости от сезона и по праздникам. Младшие служители собирают драгоценности в корзины и приносят в святилище, а потом жрец более высокого ранга выбирает несколько подходящих к случаю браслетов, колец, серег, диадем и прочего. Остальное нужно отнести в хранилище и разложить в ларцы. Но кто-то поленился и бросил корзину в малом зале, другой переставил ее, и она потерялась. Отец подумал, что нас обокрали, а после недоразумение разрешилось. А почему ты спросила?

– Просто так, – пожалала плечами Глафира. – Когда ищешь убийцу, нельзя упускать ни одной мелочи.

– А разве этим должна заниматься ты, а не Соген?

– Он мой дядя, я помогаю.

Глафира обернулась и увидела позади себя рабыню в короткой тунике, нетерпеливо топтавшуюся у садовой калитки. Она явно хотела что-то сказать, но боялась прерывать их разговор.

– Что тебе? – раздраженно бросила Баса.

– Глава полиции нома ищет ее, – ответила девушка по-египетски, но Глафира неплохо знала язык, и все поняла.

– Что ж, мне пора. Кто-нибудь может составить тебе компанию? Опасно переживать смерть близкого человека в одиночестве.

– Не волнуйся обо мне, – Баса похлопала ее по плечу. – Возьми мою накидку.

Глафира покорно завернулась в желтый гиматий с вышитыми голубыми лотосами и пошла к храмовым воротам. Привратники распахнули створки: снаружи ее ждали Соген и Никандр.

– Что так долго? – напустился дядюшка. – Узнала что-нибудь полезное?

– Надо навестить астронома Харву. Его сын Бакехонсу долго отсутствовал в Египте, его даже считали погибшим, но он вернулся. Угадайте, где парень пропадал все это время?

– Я не в том настроении, чтобы гадать! – рявкнул Соген.

– В Понте, – многозначительно заметила девушка. – Родные не видели его с шестнадцати лет. Любой мужчина подходящего возраста мог заявиться к ним, назваться чужим именем, и никого бы не удивил его странный акцент.

– Намекаешь, что он и Махар – понтийский военачальник – одно лицо? – додумался лекарь. – Не слишком ли он молод для предводителя наемников?

– Ксантии тоже не больше двадцати, но вас это не смутило, – ответила Глафира, бросив на дядюшку недовольный взгляд. – А еще Бакехонсу отказался встретиться со своей невестой – разве не подозрительно?

– То есть, родителей он не испугался, зато скрывается от женщины, которая сто лет его не видела? – презрительно фыркнул Соген.

– Возможно, она могла бы узнать его по какой-то особой примете, – Глафира слегка покраснела. – Ну, по родинкам на теле или шрамам.

– Замечательно, – буркнул дядя. – Вот ты и займешься любовной драмой. Полномочия остаются при тебе, деньги выдам, когда доедем до канцелярии.

– И еще я прошу разрешения навещать Ксантию в любое время.

– Да ты просто помешалась на этой девице! – всплеснул руками Соген. – Ладно, делай, что хочешь, но найди мне заговорщиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.